

Андрей Запискин

Последняя охота Матёрого

12+

Андрей Владимирович Запискин Последняя охота Матерого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56062229

SelfPub; 2020

Аннотация

Природа не бывает жестокой или доброй – так же, как и сама жизнь. Мы сами воспринимаем события так или иначе, сами даём им эмоциональную окраску, переживаем. Сами создаём свою историю, свои мифы.

Снег был сырой и глубокий. Молодой олень-сеголеток бежал из последних сил. Задыхаясь, проваливаясь на каждом шагу по самую грудь в глубокий снег. Багрово-синий язык вывалился, из пасти шла пена.

Его преследователю было не легче. Большой матерый волк-одиночка со свалывшейся порыжелой шерстью на впа-лых боках был всего в нескольких метрах. Загривок блестел от обильно выступившей влаги, меха боков работали часто, наполняя легкие воздухом, но сил сделать последний решающий рывок уже не было. Лишь сильный голод и жажда крови гнали его вперед. Так же, как страх – оленя.

Временами он отставал, и оленю казалось – еще немного, и он уйдет. Лес надежно укроет его от смертельной опасности. Но возникшая внезапно на пути глубокая щель оврага решила судьбу животного...

Зима выдалась теплая. Такой теплой зимы не помнили даже старожилы этого леса. Чтобы в январе шел дождь – такого еще не бывало. Никогда. При этом снег шел исправно – даже в редкие по-настоящему холодные дни. Также как и тепла, снега в эту зиму было слишком много. Наступала очередная оттепель, снег подтаивал и ложился еще одним непрочным слоем на толстый слежавшийся пирог.

Кому было хорошо этой зимой, так это птицам и разной лесной мелочи. Не нужно было искать пищу целый день, а на ночь глубоко зарываться в снег, чтобы не замерзнуть. Корма

было в изобилии. И ягод рябины, которая своим обильным урожаем не оправдала надежд на морозы. И сухого шиповника. И даже личинок короеда, что под ярким, почти весенним, солнцем оттаивали и шевелились под корой, шуршанием привлекая дятлов в ярких кафтанах. Февраль стал еще теплее, чем январь, и не только в городе, но даже в лесу наступила самая настоящая весна. Снег осел, и на опушках появились проталины. Ручьи вскрылись и весело журчали по оврагам, на ночь ненадолго укрываясь тонким непрочным ледком. Птицы обалдело орали, не понимая, где они профукали целый месяц зимы. Ночные звери выходили из своих нор днем, недоверчиво принюхиваясь к чистым весенним запахам. Зайцы посреди белого дня носились друг за другом, ошалев от солнца и тепла. Сова сонно хлопала глазищами, глядя сверху на все это безобразие, не замечая наглых мышей, что бесстрашно шмыгали прямо под ней.

Матерый не ел уже двадцать с лишним лун, и впалый живот его сводили судороги. Он давно уже жил и охотился один, без стаи. Новый вожак, молодой и сильный самец, прогнал его после недолгой схватки. Он давно уже метил на место Матерого, постоянно проверяя того на прочность, устраивая провокации и драки с другими самцами. Заискивая перед вожаком поначалу, а затем начал вести себя все более и более нагло.

Его час наступил, когда раненый в бок во время охоты на крупного секача, вожак потребовал свою законную долю добычи – самые лакомые куски из живота кабана. Но омега не уступил, навязав Матерому драку, и здорово его потрепал. Не помогло даже заступничество самки.

Матерый и сам понимал – его время ушло. И принял свое поражение как должное, сопротивляясь скорее из гордости. Нельзя показывать свою слабость. Даже тогда, когда нет никаких шансов. Только так.

Он ушел из стаи и охотился один. Конечно, это было не в пример тяжелее. Не было загонщиков – молодых, выносливых и охочих до крови волков. Не было верных волчиц, сидящих в засаде. Не было самок, даривших ему свою любовь под яркой луной. Был только лес, дружелюбный раньше, когда волк был молодым и сильным, но ставшим чужим и равнодушным сейчас. Лес, всегда бывший ему другом, в одночасье превратился в соперника и временами даже врага.

Не имевший больше своей территории, старый волк стал изгоем. Его прогоняли свои, не давая охотиться в привычных угодьях. Его гнали другие волки – из чужих стай. Приходилось подворовывать, питаться падалью и мышами. И всегда яростно защищать свое право на жизнь.

И только Большая Небесная Мать-волчица на него сочувственно – то узким скрюченным зрачком, то широко открытым желтым оком. И множество других глаз смотрели с неба – волков-предков, что навсегда ушли охотиться в Небесную

стаю. Придет время, и они позовут его, Матерого, к себе. Но его время еще не пришло, он знал это.

Он еще чувствовал себя в силе, и тем более не понимал, почему все так резко изменилась его жизнь. Тем более он не понимал, почему его предали те, кому он отдал свою жизнь, с кем делился последним куском, за кого подчас лез в смертельную драку.

Теперь он часто вспоминал свое беспечное детство, когда он был неуклюжим лопоухим щенком, чего не случалось раньше. Вспоминал, как играл со сверстниками, бегал хвостом за матерью, учился охотиться, когда та приносила в логово полуживых зайцев. Смотрел на полную луну и учился разговаривать с предками и Небесной матерью. Потому что они помогали в охоте. Помнил тепло материнского живота и вкус молока.

И сейчас, когда вставала полная луна, Матерый сначала тихонько скулил себе в бок, а потом уже в полный голос выл, не столько жалуясь, сколько выговаривая Матери свои обиды за горькую судьбу и одиночество. За то, что бросила его, и больше не помогала охотиться. И Мать-волчица, наконец, услышала его.

Этих двух оленей – корову с полугодовалым теленком – Матерый выслеживал уже несколько дней. Обнаружил добычу случайно, когда отлеживался после очередной стычки с чужаками. Он ослабел, потому что не мог охотиться некото-

рое время – раненая лапа не давала, мышцы не в счет. Внезапно ветер донес до него ни с чем не сравнимый запах добычи. Сам он находился с подветренной стороны, и олени его не почуяли. Мгновенно волк поднялся с лежки и, прихрамывая, пошел следом. Слух и обоняние его обострились, и он решил атаковать сразу, чего ни в коем случае не стал бы делать в стае. Нужно было только выбрать позицию и момент для атаки. Но, поторопившись, он допустил ошибку. Забегав вперед и обойдя добычу с другой стороны, Матерый зашел с ветра, и олени учуяли его. Началась погоня.

Поначалу олени легко увеличили разрыв, но волк и не думал отступать. Но отпустил добычу далеко вперед, сделав вид, что отстал, и только потом начал преследование. Теперь Матерый шел по следу на почтительном расстоянии, чтобы не спугнуть оленей раньше времени. Новая ошибка могла стоить ему ни много ни мало – жизни.

Шел чаще ночью, скрадываясь по оврагам, либо, наоборот, старался идти горной тропой, чтобы всегда держать ветер. Отдыхать позволял себе недолго и только тогда, когда точно знал – след верный, и далеко олени не уйдут. Ловил мышей, не обращая внимание на многочисленные следы зайцев – надо беречь силы для настоящей добычи. Чтобы наесться до отвала.

Счастливо избежав первой встречи с волком, олени успокоились. По ночам они кормились, сдирая крепкими зубами

кору с молодых осин или обкусывая веточки ивы, а днем отлеживались в каком-нибудь распадке или под корнями большого упавшего дерева, изредка поднимаясь, чтобы попить чистой воды в ближайшем ручье. Корма было вдоволь, не нужно было рыть снег и проходить большие расстояния. Однако инстинкт не позволял долго оставаться на одном месте и, отдохнув, они снова пускались в путь, совершая обычную миграцию вдоль реки, что свободно текла в долине между невысокими горными массивами.

Молодому оленю, который уже был ростом с мамку, долго лежать было невмозготу – слишком много вокруг было нового, интересного, волнующего. Множество запахов окружало и дразнило его. За свои первые полгода, которые он провел с матерью, им не раз угрожали и волчьи клыки и медвежьи когти, но мать всегда была настороже, и до сих пор им удавалось уходить от опасности. Теленок же воспринимал смертельные ситуации, как веселые приключения. Ему нравилось ощущать растущую силу и ловкость.

И сейчас он смело исследовал лес, уходя от лежки все дальше. Мать беспокойно озиралась, поднимая голову, когда, высоко подпрыгивая, теленок исчезал за деревьями. Тогда олениха коротко мычала, подзывая сына и призывая его к осторожности.

На исходе четвертого дня погони, поднявшись с дневной лежки, Матерый как всегда вышел, чтобы поймать ветер и

встать на привычный след. Солнце клонилось к закату, когда волк поднялся на широкий угор у дремавшей пока реки, держась края леса. Деревья уже бросили длинные косые тени на синий снег, ветер, весь день шумевший и раскачивающий кроны корабельных сосен, наконец стих.

Уйти за реку олени не могли – русло уже вскрылось, черная вода спокойно струилась вдоль широких заберегов, а тропинки вдоль реки были до поры скрыты под толстым слоем ненадежного снега. Пар поднимался над остывающей лентой воды. Вместе с туманом долину быстро наполняли сумерки.

К своему удивлению, помимо привычных запахов леса, Матерый услышал новые, ранее на пути не встречавшиеся. Это было еще нечто тревожное, и, к сожалению, старый волк узнал этот запах. Это был дух людей – извечных волчьих врагов. Люди всегда пахли потом, дымом, собаками и еще чем-то резким, неприятным. Этот запах всегда означал опасность, и теперь Матерый был в замешательстве. Впереди была добыча и... смертельный риск.

Волк решил обойти людей, поднявшись на высокую гору. Для этого ему пришлось, вернувшись, сделать большой крюк. Надо было спешить – олени могли уйти далеко, запутав следы или найдя путь через реку. Но когда Матерый уже почти забрался наверх, он услышал выстрел.

– Дурак ты, Сеня! – говорил пожилой охотник молодому.

Хотя того и звали вовсе не Сеня, а Петр. Но раз дурак, значит, Сеня. Так уж было у них заведено.

– Нормально, – скалился Петр, короткими движениями ножа ловко подрезая шкуру. – Смотри, сколько мяса! До весны хватит.

Работа шла споро, управиться можно быстро. И поскорей свалить, избежав ненужных встреч и расспросов.

– На хрена ты ее завалил, – укорял старый. – Теперь егерю магарыч ставить надо. Да еще мясо в придачу.

– Дак она сама на меня выскочила, – оправдывался молодой. – Че мне было делать? Смотреть на нее?

– А теленка куда денем? За теленка сразу кердык, – продолжал старый охотник свой бубнеж. – И для пушей убедительности Василич показал скрещенные в решетку пальцы.

Это было правдой. За теленка можно было загреметь покрупному. Никакой магарыч не поможет. Даже знакомый егерь, обычно сквозь пальцы смотревший на частые здесь нарушения (жить-то надо!) и почти всегда шедший на поводу у местных охотников (за небольшое вознаграждение), мог осерчать на обнаглевших браконьеров и пожаловаться участковому.

Несмотря на внешнюю злость, Василич был доволен. Не каждый день случалась такая удача – добыть оленя безо всяких усилий. С другой стороны, охота в период запрета, да еще добыча самки с сеголетком могла обернуться таким штрафом, что в жизни не рассчитаться. Да еще ружье отни-

мут. А то и в тюрьму посадят.

Обычно они не рисковали по крупному. Так, баловались птицей да промышляли зайца, ставили капканы на бобра. И в это раз они выехали просто проверить силки, а ружья были на всякий случай. Такой как этот. И надо же – вспугнули матку с теленком.

Олененок стоял неподалеку, прячась за елками и отчаянно борясь со страхом, который внушали ему страшные незнакомые существа, возившиеся вокруг его матери, которая почему то лежала на снегу неподвижно, не пытаясь убежать. К привычному родному запаху теперь примешивался приторно кисловатый, который был ему не знаком, но вызывал тревогу. Время от времени теленок мукал, в надежде услышать родной голос, но олениха молчала. Зато раздавались громкие голоса людей, и теленок вздрагивал, отбегал дальше.

Солнце уже легло за гору, когда охотники завершили свой труд и, сложив мясо в рюкзаки, укатили на снегоходе вниз по реке. Оленью голову, кости, внутренности и шкуру спрятали под высокой елью, припорошив снегом. Волки приберут, а там поди разбери, стреляный олень или сами взяли. Теленка поди тоже съедят. Дурашка так и будет ходить вокруг, участи своей ждать. Жалко конечно, но что поделаешь. Жизнь, едри ее!

Уже стемнело, когда к поляне вышел Матерый. Еще из-

дали он почуял запах крови, и страх перед человеком в конце концов уступил место инстинкту охотника. Но пока люди были рядом, волк не мог выйти из леса. Лишь с наступлением темноты, когда запах людей стал слабее, а голод просто невыносимым, Матерый, наконец, решился подойти.

Но подойдя к поляне, Матерый увидел конкурентов. Три молодых волка терзали останки оленя, торопливо отрывая и глотая крупные куски. Так же как и Матерый, обуреваемые сильным голодом ли или сильным запахом крови, теленка они не учуяли или проигнорировали – добыча уже была здесь.

Матерого волки встретили, дружно кинувшись на противника. Это была их территория, и уступать свою законную добычу они никому не собирались. В старом и, очевидно, слабом волке большой угрозы молодые не чуяли и были серьезно настроены на драку. Раз за разом они отгоняли Матерого от останков, и снова возвращались к трапезе, успевая поспорить еще и между собой.

Спустя короткое время все было кончено. От оленихи остались лишь несколько крупных костей. Волки разлеглись на поляне, сытно отрыгивая. Матерый поначалу метался по краю, слизывая капли крови на снегу и не оставляя попыток украсть кусок. Но скоро покинул поляну. Он поймал след.

Почуяв волка, теленок побежал по протоптанной тропе вдоль реки. Яркое блюдо луны хорошо освещало путь.

Стальной лентой блестела в стороне река. Поначалу бежалось легко, но вскоре тропинка закончилась, и, в попытке оторваться от погони, олень резко свернул прямо в чащу. Глубокий мокрый снег, кусты и бурелом быстро отнимали силы. Но волку повезло – вскоре путь оленю преградил глубокий овраг, на дне которого в сторону реки бежал ручей.

Прыгнув на дно оврага, олень сразу же увяз в глубоком снегу. Почти сразу же сверху в снег упал Матерый. Оказавшись прямо перед волком, теленок жалобно замычал, отворачивая вбок голову и кося на врага белками выпученных глаз. Путь вниз преградило косо упавшее на дно оврага дерево. Для рывка вверх сил уже не было.

Волк больше не торопился. Он знал, что Мать-волчица услышала его, и теперь он выживет. Доживет до весны и, может, даже найдет себе подругу. Он медленно приближался к добыче, прицеливаясь к шее оленя, на которой испуганно билась крупная артерия, большими дозами вгоняя в кровь жертвы адреналин.

Сделав короткое движение, волк прихватил зубами шелковистую податливую ткань. Но погоня измотала его, и он промахнулся. Олень дернул головой, волчьи зубы скользнули по шее, лишь порвав кожу. Извернувшись, он ударил Матерого копытом в бок. Перемахнул через дерево и бросился вниз по оврагу – к реке.

Овраг закончился неожиданно быстро – нешироким

устьем. Животное оказалось на небольшом галечном пляже, острым мысом вдавшемся в реку и с трех сторон окруженное вскрывшимся руслом. Дальше путь преграждала быстрая струя глубокого переката. Только обнадежив, жизнь снова подло обманула, устроив гибельную ловушку.

Но Матерому тоже не повезло. Вода, растопив лед в устье ручья, обнажила старый капкан, поставленный неизвестно кем и неизвестно когда. Раззявив ржавую пасть, капкан как будто спал. Но внезапно появившаяся добыча вмиг разбудила его, и тугая пружина, лязгнув, сделала свое дело.

Задняя лапа волка была мгновенно сломана стальными челюстями. Взвизгнув, Матерый упал на бок и по инерции рванулся было вперед, но крепкая цепь уже надежно держала свою добычу.

Матерый не понимал, кто схватил его. Это было удивительно и страшно. Поскуливая, Матерый еще раз попробовал освободиться, но тщетно. Волк припал на передние лапы и попытался ползти, но и это ему не удалось. Кто-то невидимый держал его прямо в воде, крепко ухватив волка за лапу выше голени.

В азарте погони охотник сам стал добычей. Возможно, это медведь шатун, который до срока вылез из своей берлоги и теперь голодный и злой шарахается по лесу.

С медведями Матерый и раньше предпочитал не связывался. И почти всегда уступал добычу, добытую им самим.

Непонятно одно: как он не учуял его, как неопытный щенок так легко попал в ловушку. Извернувшись и оскалив зубы, волк приготовился к смертельной и, возможно, своей последней схватке, но клыки клацнули в пустоте.

Теленок стоял в нескольких метрах – испуганный, вздрагивая всем телом от напряжения и ужаса. Но каким-то чутьем он уже понял, что его страшный преследователь больше не опасен. Глухо рыча, волк еще попытался указать оленю, что он его добыча, но боль уже заглушила все остальные инстинкты, а погоня отняла остатки сил. Прикрыв глаза, Матерый замер на галечнике.

Когда спустя некоторое время он приподнял голову, оленя уже не было: воспользовавшись неподвижностью своего врага, теленок бросился обратно в устье ручья и быстро скрылся в овраге. Шум воды в перекате заглушил звуки побега, или враг его был уже мертв – это было уже не важно.

Морозило. Туман рассеялся, воздух стал прозрачным. Вокруг Матерого, распластанного на галечнике, медленно текла Река-Ночь. Сверху широко раскрытым глазом смотрела на него Мать-волчица. Наверное, поэтому боль понемногу уходила из сломанной лапы – утекала вместе с кровью и ледяной водой ручья. Холодно мерцали глаза предков Небесной стаи.

Подняв морду к небу, Матерый обратился к Матери, испрашивая покоя, освободив от тяжелого плена Жизни, от ко-

торой он устал. Волк просил и предков – принять его. Ведь теперь он уже был готов к Большой охоте в Небесной стае. Далеко по реке разнеслась последняя песня Матерого.